

Коллизия борьбы долга и страсти в душах влюбленных, занимающая столь значительное место в ранних трагедиях Сумарокова, с точки зрения приведения действия к трагической развязке представляется всего лишь своего рода орнаментирующим фоном, в то время как истинная пружина развития драматического конфликта скрыта в действиях сил, персонифицированных в образах царедворцев. Властолюбие, зависть, склонность к пороку и коварным интригам — вот стимулы поступков Сталверьха («Хорев») и Полония («Гамлет»), в руках которых монархи оказываются слепым орудием исполнения темных замыслов. Отличия структуры трагедий Сумарокова от трагедии французского классицизма XVII в. (в частности, Расина) коренятся в совершенно ином понимании сущности трагического конфликта.

Вопрос о моральной направленности содержания трагедий Сумарокова должен решаться, таким образом, по-видимому, в двух аспектах: следует объяснить, какова природа и роль любовной коллизии в его трагедиях, если непосредственно в воплощении конфликта, ведущего к трагической развязке, противоречия между долгом и страстью в сердцах влюбленных никакого участия не принимают; с другой стороны, следует, по-видимому, показать истоки и смысл моральнооценочной характеристики персонажей, которая позволяет понять существо трагического конфликта сумароковских пьес. В обоих случаях вопрос оказывается тесно связанным с проблемой отношения Сумарокова к традициям национальной драматургии предшествующей поры, с проблемой понимания Сумароковым природы драматизма.

Внешне Сумароков, пожалуй, ухватил то противоречие, которое служило источником развития драматического действия в трагедиях, например, Расина, отчасти Вольтера: противоречие между долгом, вытекающим из осознания личностью своего общественного положения, и между внутренними интересами самой личности (любовным чувством). Но конфликтом, составляющим основу трагической ситуации, это противоречие в первых трагедиях Сумарокова никогда не было и быть не могло.

Русское общественное самосознание XVIII в. вплоть до последних десятилетий жило иным пониманием личности. Утверждение ценности личности мыслилось не в противопоставлении ее интересов законам социального общежития, но, наоборот, в своеобразном утверждении приоритета надличностного начала (будь то интересы государства или отстаивание сословного принципа). Приоритет государственного, общественного долга перед всеми другими интересами был незыблем, и неуклонное подтверждение вер-

---

сится у него теперь на проблему ответственности монарха. Борьба с внешними силами зла сменяется внутренней борьбой в душе самого монарха. Противоречие монаршего долга и страсти в «Синаве и Труворе» и составляет основу коллизии трагедии.